

Привет, Пелле!

Вот первые слова, которые написал мне мой мёртвый отец. Записка под номером 1.

Люди умирают, и папа не исключение. Он ушёл из жизни год назад.

Некоторые гибнут в автомобильных авариях. Другие — даже не успев родиться. А кто-то — таких, правда, немного, — отходит в мир иной, прожив целый век. Недавно в Бразилии нашёлся человек, которому исполнился сто тридцать один год (и он был ещё жив)! Одни умирают от голода, другие — от обжорства. Имена некоторых покойников у всех на устах. О них пишут в газетах, говорят по телевизору. Известия об их смерти разносятся по всему миру. Часто это поп-звезды, президенты или какие-то героические личности. Вроде Нельсона Манделы. Но иногда и обычные люди, как те, кто находился в нью-йоркских небоскрёбах, когда в них врезался самолёт. Или пассажиры, летевшие в отпуск и ставшие жертвами авиакатастрофы или теракта. Кого-то сражает

микроскопический вирус, а кого-то — гигантский зверь вроде разбушевавшегося носорога. Порой людей убивают акулы. Очень многие умирают от комариных укусов. Странно: все так боятся акул, а комары, выходит, куда опасней. От них гибнет больше людей, чем от рук террористов. А иногда люди умирают, просто работая в саду или гуляя по пляжу. Кого-то, как, например, моего папу, убивает болезнь. Мама говорит, смерть — самое обычное дело, и бояться её нечего. А я и не боюсь, просто она меня бесит, потому что сильно портит жизнь.

Я перевернул бумажку и решил проверить её на просвет в надежде найти что-нибудь, кроме слов «Привет, Пелле!» и цифры 1 на обороте. Может, папа добавил что-то невидимыми чернилами? Тогда, если приложить записку к окну, должны проявиться бледные буквы. Но нет, так тоже ничего.

В коробке, что сейчас стояла у меня на кровати, был целый ворох пронумерованных записок и маленьких свёртков. Что это за коробка, я вспомнил, как только мама мне её вручила. В ней лежали последние ботинки, которые купил папа, — кожаные, коричневые. (Теперь они, едва ношенные, пылились в обувном шкафу.) В машине по дороге домой я держал эту коробку на коленях. То был наш с папой последний поход по магазинам.

— Ну как? — Он прошёлся в них туда-сюда.

Мама лишь кивнула в ответ. Продавщица нагнулась пощупать, не тесно ли в носке.

— Пошевелите пальцами. Великоваты, особенно в ширину, — сказала она. — Это точно ваш размер?

— Точно, — уверенно ответил папа. — С шестнадцати лет. Они вполне удобные. Беру.

«Интересно, — подумал я тогда, — через четыре года мои ноги тоже перестанут расти? Было бы хорошо — они уже до смешного громадные».

— По-моему, у некоторых марок все модели слегка велики, — пожав плечами, заметила мама.

Я знал: дело не в этом. А в том, что папа потихоньку таял и отказывался это признавать. Его становилось всё меньше и меньше. Я не очень понимал, куда он девается. Он неудержимо худел. Это было заметно, к примеру, по его руке. Обручальное кольцо переехало с безымянного пальца на средний, а потом и на большой — тот всё ещё был помясистей. Наведавшись в сарай, что стоит у нас в саду, мы с папой уже прокололи дополнительную дырку в его ремне. Он продемонстрировал мне, как это делается. А потом показал всё, что там хранилось, будто экскурсовод в музее. Где он держит гвозди и шурупы («Всё всегда должно лежать на своих местах, Пелле, тогда ты сможешь легко найти то, что нужно. Порядок упрощает жизнь. Смотри, шурупы к шурупам. Все черные гвозди здесь, а те мелкие — там»). Где лежит дрель. Где молотки. Где стоят разные виды клея. Папа научил меня сверлить дырки и забивать гвозди. Показал, как работает ватерпас, как добиться того, чтобы пузырёк находился ровно посередине и почему это важно (иначе мои стеклянные шарики скатятся с полки).

Он везде налепил этикетки. «Отвёртки», «Шестигранные ключи 1,5–6,0 мм», «Свёрла по дереву», «Свёрла по бетону», «Ручная пила», «Торцевые ключи 2–8 мм». Ниже — «Торцевые ключи 9–16 мм», «Газовый ключ». Весь сарай был увешан бумажками, исписанными характерным папиным почерком. Я же сказал: точно как в музее.

Такими же буквами было выведено «Привет, Пелле!» в записке.

Я принялся. От коробки слабо веяло запахом кожи, мыла и бумаги. Все записки были заклеены кусочками прозрачного скотча. И все пронумерованы, как в лото.

Сегодня утром мама позвала меня к себе на кухню. Она сидела на розовом стуле-муравье за обеденным столом из белёного дерева. Одной рукой она стряхивала пепел с сигареты. Другая лежала на обувной коробке. Мне вдруг впервые бросилось в глаза, какими морщинистыми стали мамины руки, — словно старая мятая бумага. Сквозь грязное оконное стекло прямо ей на голову падал луч зимнего солнца. За последний год мама сильно поседела. Волосы будто один за другим скинули с себя коричневую оболочку. Парень из моего класса, по прозвищу Тычок, недавно брякнул, что на вид ей лет шестьдесят, не меньше. Но ей всего сорок один. Тычок вечно порет всякую чушь, а потом припечатывает её тычком в плечо, вроде как ставит точку в конце предложения. «Эй, Пелле, здорово», — и тык в плечо. Вообще-то у Тычка есть имя — Карл. Но никто его по имени не зовёт, разве что бабушка, родители и школьные учителя.

Так вот, сегодня утром мама сидела на розовом стуле. В том месте, где она только что провела рукой по волосам, вопросительным знаком торчал седой локон. Остальные пряди, словно птицы с подбитыми крыльями, лежали у неё на плечах. Я уселся на яблочно-зелёного муравья. Так папа называл эти стулья — муравьи, потому что их сиденья со спинками напоминали ему муравьиные тельца. У нас они всех цветов радуги. Папа всегда занимал небесно-голубой.

— Пелле, знаешь, какой сегодня день? — спросила мама.

Из пепельницы рядом с ней поднимался столбик дыма. Раньше она не курила, начала только в последнее время. Гадкая привычка. Я замахал руками, разгоняя дым. От него в и так душной кухне дышать было ещё труднее. Казалось, в доме с каждым днём становилось всё меньше воздуха. Он будто бы делался всё мрачней

и теснее, и от этого всё двигалось, как в замедленной съёмке. Я с нетерпением ждал лета, когда можно будет распахнуть окна и двери, когда запахнет травой, в саду зацветут маки и лютики, а в комнаты начнут то и дело залетать или заползать насекомые.

— Сегодня четверг. — Я подавил вздох. — Курение убивает.

— Жизнь тоже, — ответила мама. — И перестань уже, ладно? Я знаю, что это вредно. Знаю, что надо бросить. Но пока не могу.

— Что тут сложного? Нужно просто решиться.

Мама кивнула:

— Однажды решусь. Но не сейчас. — Она предостерегающе взглянула на меня. — Да, сегодня четверг. И это особенный день. Знаешь почему?

Во всяком случае, сегодня был не мой день рождения. Двенадцать мне исполнилось три месяца назад — первый день рождения, который мы отпраздновали без папы. Так же, как первое Рождество и первый Новый год. Папа даже собственный день рождения пропустил. И то, как я перешёл в среднюю школу. Хотя и там почти все одноклассники знали о папиной смерти. Многие учились со мной в начальной школе и были на похоронах.

Но что же тогда особенного в сегодняшнем дне? В школе ничего необычного не планировалось, разве что собирались объявить, какие роли кому достались в весеннем спектакле. Я надеялся, что мне роли не дадут. Ни малейшего желания выходить на сцену и петь у меня не было. Но участвовать должны были все: за это ставят зачёт.

Больше всего я хотел стать невидимкой. Чтобы никто не спрашивал, согласен ли я играть в школьном спектакле. Не мучил бы меня без конца вопросами: «Как у тебя дела? А у мамы?» Я мог бы целыми днями преспокойно

наблюдать за Эвой, а она бы и не догадывалась. Мог бы ходить с ней в кино и по магазинам, смотреть, как она выбирает платья. Мог бы пойти к ней домой и любоваться тем, как она читает книгу или делает домашку. Будь я невидимкой, я бы бродил по всему свету, объехал бы места, где ещё никто не бывал. Отправился бы в Северную Америку на поиски НЛО, в 1950 году потерпевшего крушение в Розуэлле. Очень многие видели падение своими глазами, но им никто не поверил. Правительство спрятало летающую тарелку и тела девяти инопланетян где-то глубоко, там, где много подземных туннелей. И я мог бы по ним незаметно полазить. А ещё можно освободить животных из тесных клеток. Или повалить башню консервных банок в местном супермаркете. Хозяин разозлится и выстроит её заново. Но как только он поставит на верхушку последнюю банку, я снова всё опрокину. И так раз за разом, пока не надоест.

Для мамы я и так превратился в невидимку почти год назад, так что опыт у меня был. Но вот что странно: хоть она меня по-настоящему и не видела, всё равно считала особенным. «Ты не такой, как другие, — говорила она иногда. — Ты очень особенный. И это прекрасно — что ты ни на кого не похож». При этом она уже год меня не замечала, а просто сидела, уставившись в экран телевизора, на стену, на остывающую чашку чая или просто в никуда.

Мама снова взглянула на меня и повторила вопрос:

— Знаешь, что сегодня за день?

Я пожал плечами.

— Сегодня третье марта. Может, теперь вспомнишь? — вздохнула она.

Третьего марта прошлого года кремировали папу. Я просто кивнул. Понятия не имел, что и такие дни полагается отмечать.

Несколько дней назад, в годовщину папиной смерти, дом был полон родственников, соседей и друзей родителей. Все принесли еду. Посреди стола красовалась большая фотография нас троих. Та, где улыбающийся папа стоит рядом со мной и мамой на пляже, загорелый и мускулистый. Тогда его ещё было много и он не начал уменьшаться. В тот день мы не знали, что через шесть месяцев его не станет. Понятия не имели, что в его теле уже набирали мощь и готовились к нападению агрессивные клетки. На этом фото хорошо видно, как сильно я похож на папу, — так все говорят. У меня такие же светлые волосы, в которых словно прячется солнце, такой же странный приплюснутый нос. Вот только папин нос после давней драки был ещё и кривоват. На фотографии у папы крепкие мышцы. А у меня руки-ноги тонкие, как палочки от мороженого. Мне кажется, здесь я особенно тощий и долговязый. Мама на фото очень красивая в пляжном платье, аж светится. Её длинные каштановые волосы развеваются на ветру, как радостно порхающие птенчики. Папа гордо обнимает её за талию, а меня за плечи. У меня в руках мяч, и мы все выглядим счастливыми, весёлыми и сильными. Как будто у наших ног — весь мир.

Так вот, несколько дней назад у этой фотографии горели свечи и гости разглядывали нас на том пляже. Ласково дотрагивались до стекла, одни с улыбкой, другие со слезами. Было много вина, мама захмелела, и вот уже стулья-муравьи отодвинули в сторону, и стол тоже. Кто-то поставил любимую папину музыку, несколько гостей пошли танцевать. Паул, лучший друг папы, много танцевал с мамой. Паул мне не особо нравится, но, если они с папой были закадычными друзьями, наверное, он неплохой парень. Вот только тем вечером он слишком громко смеялся, когда мама стояла рядом, и его рука

слишком задерживалась у неё на плече. Мне показалось, что между мамой и Паулом была какая-то связь, к которой я отношения не имел.

Когда всё кончилось, мамыны подружки повели её спать, а прочие гости прибрали на кухне и помыли посуду. Так мы отпраздновали день папиной смерти. Это мама так выразилась накануне: «Отпразднуем день папиной смерти».

Тоже мне праздник! Просто дурацкий день, когда думаешь о чьей-то смерти. Никто ведь не поёт виновнику торжества: «Happy death day to you!¹» Ну серьёзно!

Кстати, в Мексике существует праздник смерти. Дня де лос Муэртос — День мёртвых. Дети угощаются сладостями и тортами в форме черепов и скелетов. Взрослые едят специальный хлеб мёртвых. Сверху он похож на груды костей, но сделан, конечно, из теста. Ещё все кладут в корзинки разные вкусности и отправляются на кладбище. Устраивают пикник на могиле бабушки, или дедушки, или других родственников. Смеются, передаются воспоминаниям. Включают музыку, поют, танцуют. Иногда даже остаются на кладбище ночевать. И зажигают свечи, чтобы мёртвые могли найти путь к живым. Должно быть, в темноте покойники не видят.

Я глуповато тарашился на стол и стоящую на нём коробку.

Мама легонько похлопала по крышке. Я её узнал, эту коробку. В ней лежали папины ботинки. Теперь они достанутся мне? Мама что, ждала, что отныне их буду носить я? (Чего мне вовсе не хотелось, потому что: а) это не кроссовки и б) меня засмеют в школе. Тычок — первым. И уверен: Эве бы они тоже не понравились.)

¹ Счастливого дня смерти! (англ.) — Здесь и далее примечания переводчика.

Я где-то читал, что в Китае принято сжигать у могилы бумажные приношения. Так китайцы задабривают предков и заботятся о счастье умершего. Выбирать нужно вещи, имеющие к покойнику какое-то отношение. К примеру, если человек любил духи, можно купить парфюмерные флакончики из бумаги и сжечь их. А если умерший часто сидел в мессенджерах, то бумажный смартфон. Бывшая модница получает приношения в форме платьев. Сжигают и фальшивые деньги. На могиле автолюбителя передают огню бумажный мерседес размером с велосомобиль. Серьёзно! Жгут даже бумажные холодильники и телевизоры с плоским экраном. В Китае есть специальные магазины, торгующие такими подарками для мёртвых. И вообще, там много странных верований. Например, считается, что, если отстричь у мертвеца кусочек ногтя, он обязательно явится тебе потом. Знай я это раньше и живи мы в Китае, я бы так и сделал.

Ещё я мог бы выложить целую дорожку из горящих свеч, как делают в Мексике, чтобы помочь папе найти путь домой. Или, лучше, водрузить на крышу большие неоновые буквы: твой дом здесь!

За прошлый год мне пришлось столько узнать о смерти... Лучше бы я ничего этого не знал! Например, того, что на ощупь труп холодный и твёрдый. Что от него довольно быстро начинает пахнуть и умерший внезапно кажется каким-то маленьким. Что кожа у него под ногтями слегка желтеет. Что мёртвых гримируют и иногда хранят в морозильнике. А когда достают их оттуда попрощаться с близкими, всё равно держат в холоде, не то грим потечёт. Что у смерти есть свой звук — такая тяжёлая тишина, которую все боятся нарушить. Что от человека, весившего почти 80 килограммов, остаётся горшочек с 2,87 кило пепла. Что на похоронах нужно

вести себя тихо, зато плакать можно громко. (Чего я, кстати, не делал. Мальчики не плачут. Так всегда говорил папа, потому что сам никогда не плакал, даже когда узнал, что скоро умрёт.) Что от вещей умершего избавляются не разом, а по чуть-чуть. Сперва выбрасывают не слишком личные, например, пальто, трусы (окей, бельё — это личные вещи, но его обычно не хранят), штаны, ремни, журналы и старые счета, и только потом рубашки, майки и свитера. Флаконы с лосьоном после бритья оставляют, как и наручные часы. Я тайком вытащил из мешков, которые мама собиралась отдать в Армию спасения, один свитер — зелёный, мягкий, который папа так часто носил. Свитер ещё пах папой, и я засунул его к себе в шкаф, поглубже. Время от времени я его нюхал. Если очень глубоко втянуть носом и посильней зажмуриться, казалось, что в комнату вошёл папа и запах тенью следует за ним.

Эве я тоже как-то дал понюхать. Она кивнула и сказала:

— Да, это и правда немного твой папа. Пахнет деревом. И ещё луком и шампунем.

Папа Эвы всегда пахнет рыбой и прочими морепродуктами, потому что он этим торгует на рынке. Как бы он ни старался, как бы ни оттирал руки с мылом, его повсюду преследует запах сардин, креветок и мидий. Запах моего папы мне нравился больше. С другой стороны, отец Эвы жив, хоть и воняет треской.

После папиной смерти мама избавилась и от пианино. Я очень расстроился. Папа каждый вечер сидел за инструментом и играл прекрасную музыку. Шуберта, Эйнауди, Чайковского, Дебюсси. Если папа исполнял для меня какую-нибудь пьесу, я мог, послушав несколько раз, сам её воспроизвести. Все считали это чем-то удивительным, но удивляться тут нечему. Музыка ничем не отличается от математики или иностранного языка.